

Р. Ф. Итс

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В КИТАЕ В ПЕРИОД ДИНАСТИИ ИНЬ
(XIV—XII ВВ. ДО Н. Э.)

Четыре года тому назад в «Вестнике древней истории» (1950, № 2) была опубликована статья Т. В. Степугиной «К вопросу о социально-экономических отношениях в Китае в XIV—XII вв. до н. э.». В своем примечании к статье редакция выразила надежду, что в дальнейших номерах будет продолжено обсуждение затронутой проблемы. Однако пока никто из советских китаеведов не выступил ни за, ни против основной концепции автора. А надо сказать, что среди советских китаеведов есть и сторонники и противники этой концепции. Поскольку в своей последующей работе «О способах порабощения в древнем Китае во времена империи Цинь и ранних Хань», опубликованной в «Сборнике статей по истории стран Дальнего Востока» (МГУ, 1952), автор не изменяет своей точки зрения, считаю необходимым высказаться по первой отправной работе Т. В. Степугиной.

Ученый Германской Демократической Республики Эркес, выступивший оппонентом Т. В. Степугиной, в своем докладе, опубликованном затем в виде брошюры¹, поставил под сомнение правильность положения Т. В. Степугиной о существовании рабовладельческой формации в Китае вообще и попытался собственной трактовкой отдельных надписей на так называемых «гадательных костях» доказать по существу извечность феодализма в этой стране. Советские китаеведы и передовые ученые Китая, и среди них прежде всего проф. Го Мо-жо, после опубликования в 1928 г. первых материалов раскопок в провинции Хэнань (близ Аньяна и Хойсяна) считают вопрос о наличии рабовладельческой формации в истории древнего Китая решенным окончательно и положительно². Однако о времени возникновения рабовладельческих отношений в Китае мнения расходятся.

Концепция Т. В. Степугиной относительно характера общественного строя древнего Китая в период XIV—XII вв. до н. э. резюмирована автором следующим образом: «Перед нами варварское общество, стоящее на той стадии разложения первобытно-общинного строя, которую можно

¹ E r k e s, Das Problem der Sklaverei in China, В., 1952; см. рецензию на нее — В. Р у б и н, ВДИ, 1953, № 1, стр. 120—124.

² См. работы советских китаеведов — А. А. Петрова, Л. И. Думава, Л. В. Симоновской, Л. Д. Позднеевой, Ю. В. Бунакова, а также китайских ученых Го Мо-жо, Вань-ляня, У Цзэ, Цзань Бо-цзяня, Люй Чжэнь-юя, Ван Го-вэя, Ло Чжэнь-юя

определить как стадию военной демократии. Преждевременно было бы говорить о возникновении государства в этот период» (ук. соч., стр. 76). Если не говорить о том, что термин «военная демократия» в данном случае не дает четкого определения всего социально-экономического строя, то можно сделать следующее заключение: по мнению Т. В. Степугиной, весь период, называемый в китайской историографии временем Шан-инь или Инь, является периодом первобытного общества.

Таким образом, говоря в своей первой работе о том, что иньское общество — это еще не классовое, не рабовладельческое, а во второй, что поздняя Хань — это еще рабовладельческое общество, Т. В. Степугина присоединилась к точке зрения своего учителя Л. В. Симоновской¹ на периодизацию древней истории Китая.

Исследование на основе археологических и письменных памятников общественного строя периода Инь, особенно его последних столетий (XIV—XII вв. до н. э.), имеет огромное значение для решения важных проблем истории древнего Китая. Китайские историки добились значительных успехов в этой области. Помимо отдельных разделов в общих работах, Иньскому периоду посвящены специальные монографии. Товарищ Мао Цзэ-дун в своей работе «Китайская революция и коммунистическая партия Китая» на основе большого количества фактических данных высказывает положение, что Иньское общество было рабовладельческим, классовым². Работы крупнейших китайских историков, а главное — археологический материал по раскопкам Иньской столицы и письменные памятники Инь, позволяют нам считать основную концепцию Т. В. Степугиной неправильной и утверждать, что в период XIV—XII вв. до н. э. в Китае существовало рабовладельческое государство Инь. Постараемся обосновать этот вывод.

Одним из основных источников для изучения древнего Китая, в частности периода Инь после вана Пань Гэна (1401—1373), являются Иньские надписи на костях животных и панцирях черепах. По свидетельствам хроник, ван Пань Гэн перенес столицу Инь в район современного города Аньяна³. Весь археологический материал по Инь относится к периоду после Пань Гэна. Однако те достижения Инь, о которых свидетельствуют находки, не могли возникнуть в столь короткий промежуток времени и начало своего развития ведут от периода Инь до Пань Гэна⁴.

Многие исследователи, занимающиеся периодом, которым датируются Иньские надписи, в том числе и Т. В. Степугина, упорно называют эти надписи «гадательными». Наука не знает ни одного племени, стоящего на стадии первобытно-общинной формации, даже в период ее разложения, обладавшего письменностью. Только общественные потребности классового общества вызывают необходимость в создании письменности. Это положение подчеркивал К. Маркс, когда в конспекте на книгу Л. Моргана «Древнее общество» обращал внимание на то, что возникновение государства связано с возникновением фонетического алфавита или, как его эквивалента, иероглифического письма. На это указывал Ф. Энгельс, отмечая, что вся писаная история — это история классово-борьбы.

Только ли гадательный смысл содержат иньские письмена? Изучение этих надписей показывает, что большинство из них содержат не гада-

¹ См. Л. В. Симоновская, Вопросы периодизации древней истории Китая, ВДИ, 1950, № 1, стр. 35—47.

² Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 3, М.—Л., стр. 138.

³ Л ю й Ч ж э н ь - ю й, *Цзяньмин чжэунго тунши* (Краткая всеобщая история Китая), т. 1, Пекин, 1951, стр. 71.

⁴ Го Мо-жо, *Нуличжи шидай* (Эпоха рабства), Шанхай, 1952, стр. 5.

тельный, а обыденный или так называемый «светский текст»¹. Например:

己巳, 王金且 (鋤) 翌 田 «В 6-й год, Ван мотыгой обра-

батывал поле» (надпись № 1221); 王往, 以衆黍于囧

«Ван отправился, чтобы рабы убирали просо в Цзюне» (надпись № 473);

貞維小臣令衆黍 «Гадание подтвердило, что надсмотр-

щикам (пора) дать приказ рабам убирать просо» (надпись № 472)². Так же и текст, который на стр. 70 своей работы приводит Т. В. Степугина — «отпустить предназначенных для закапывания рабов», является обычной записью акта иньского общества. Наряду с отдельными надписями, иньская письменность дает текст, продолжающийся на нескольких панцырях, своего рода книгу³. Хроники чжоусцев прямо указывают на наличие у иньцев своеобразных летописей (Го Мо-жо, ук. соч., стр. 4). В условиях лесового плато долины Хуанхэ иньцы не могли найти более прочный материал для письма, чем кости животных и панцыри черепах.

Тексты иньских надписей дают огромный материал, помогающий разобраться в истории Инь и расшифровать назначение ряда археологических находок. Анализируя иньские надписи, Т. В. Степугина совершенно правильно подметила тот факт, что земледелие играет в этот период большую роль. Но она упомянула как об орудиях сельскохозяйственного производства только о «каменных ножах для жатвы» и орудии, изображение которого на костях отождествляется с иероглифом 耒 *лэй*. Этот иероглиф Т. В. Степугина переводит как «мотыга».

Раскопки позднеолитических культур Яншао и Луншань уже дают сельскохозяйственные орудия. Эти примитивные орудия, изготовленные в основном из камня, костей, раковин и рогов животных, встречаются и в определенных (соответствующих неолитическим культурам) слоях иньского городища. Находки из иньского слоя этого городища и надписи характеризуют прогресс земледелия в период Инь, который выразился, в первую очередь, в изменении орудий труда. Изображения на костях, которые Т. В. Степугина приводит на стр. 59 и верно трансформирует как иероглиф *лэй*, означают не мотыгу, а деревянную соху, широко известную по этнографическим исследованиям Китая. Наряду с сохой различных форм иньцам были известны и такие сельскохозяйственные орудия, как борона 耜,

мотыга 耨, которая на бронзовых сосудах изображалась 𠄎, и др.⁴ Иньцы знали также использование тяглового скота для пахоты. Современный иероглиф 犁 *ли* (пахать, плуг) изображался в иньских письменах 𠄎 или

¹ Дун Цзю-бинь, Второе предисловие к изданию надписей из погребений Инь, «Чжунго каогу сюэбао», т. 4 (1949), стр. 281—289; Гао Цюй-сюнь, О вырезанной надписи на бедренной кости вола из Иньского городища, там же, стр. 183.

² Цитировано по Го Мо-жо, ук. соч., стр. 7 и 9.

³ «Чжунго каогу сюэбао», 4, стр. 281—289.

⁴ У Цзэ, Чжунго лishi цзянь бян (Очерки по истории Китая), Шанхай, 1949, стр. 56.

𠄎𠄎¹ (𠄎 — бык, 𠄎 — соха, плуг, 𠄎 — поле). Находка орудий труда при раскопках иньского городища: бронзовых топоров, лопат, орудий типа серпов — также свидетельствует о прогрессе иньского земледелия по сравнению с примитивными формами земледелия предыдущих периодов.

Архаизируя иньское общество, Т. В. Степугина неоднократно утверждает, что каменные изделия преобладали в быту иньцев. На стр. 63—64 она пишет: «количество каменных и костяных орудий и утвари н а м н о г о п р е в ы ш а е т количество раскопанных в Аньяне изделий из бронзы» (разрядка моя. — Р. И.). Но Т. В. Степугина не учитывает того факта, что культура иньского городища непосредственно сменяет культуру Луншаня — энеолитическую в своей последней стадии. Не учитывает она также материалов раскопок, которые показывают использование иньцами под жильем луншаньских ям. А эти данные не только объясняют наличие в иньском слое луншаньской керамики и каменных орудий, но и расписной керамики Яншао. Таким образом, все найденные каменные орудия и всю керамику из иньского слоя относить к Инь нельзя; но даже если бы это и были предметы иньцев, и то картина, нарисованная Т. В. Степугиной, все же неверна: из обнаруженных в один из периодов раскопок 700 целых и фрагментированных предметов немногим более $\frac{1}{3}$ составляла керамика, $\frac{1}{3}$ — изделия из бронзы и менее $\frac{1}{3}$ — раковины гаури, костяные изделия, нефрит, жемчуг и другие драгоценности².

С 1928 по 1937 гг. на участке иньского городища раскопки производились 15 сезонов. Во время 13-го сезона, помимо рвов, проходивших вдоль деревянной стены, некогда защищавшей столицу Инь, были найдены каналы, разделявшие поля иньцев, назначение которых определяется как первые попытки ирригации³.

Огромным достижением иньцев, связанным с развитием земледелия, явилось создание астрономического календаря. По иньскому календарю год делился на 12—13 месяцев (лунное исчисление) и четыре времени года. Месяц делился на 3 декады, декада на 10 дней⁴. Календарь регламентировал начало и окончание сельскохозяйственных работ.

Наряду с земледелием известную роль играло и скотоводство. Иньские надписи и археологический материал дают большое количество костей домашних животных и в первую очередь кистеухой свиньи и буйволов (более 1000 особей), собаки, обыкновенной свиньи, лошади и коровы, что свидетельствует о весьма широком разведении этих животных⁵. Здесь же найдены кости многих видов диких животных: косули, оленя, медведя, зайца и др., но их костей много меньше, чем костей животных домашних. Видовой состав диких животных дает основание говорить, что охота производилась преимущественно на крупных млекопитающих и, повидимому, серьезного значения не имела. Исследование найденных в Аньяне костей кита, слона, носорога показало, что они принадлежат привозным животным⁶.

¹ Го Мо-жо, ук. соч., стр. 8. Ограничиваясь добавлениями к статье Т. В. Степугиной, мы опускаем все эпиграфические примеры, данные ею самой.

² «Чжунго каогу сюэбао», 2 (1947), стр. 54—56.

³ Ши Чжа-н-жу, *Иньской цзуйцзиньчжи чжуняофасянь* (Важнейшие новейшие находки на Иньском городище), «Чжунго каогу сюэбао», 2, стр. 27—28.

⁴ У Цзэ, ук. соч., стр. 78—79.

⁵ Ян Чжун-цзянь и Мо Ден-шэн. *Аньян Иньскойчжи буэу дуну цюньбуи* (Остатки млекопитающих из Иньской столицы — Аньян), «Чжунго каогу сюэбао», 4 (1949), стр. 145—153.

⁶ Т. В. Степугина, перечисляя на стр. 59 домашних животных, по недоразумению причислила к ним слона.

Мы не приводим всех земледельческих терминов иньских надписей и всех примеров, упомянутых уже в статье Т. В. Степугиной. Нет необходимости перечислять и те факты, которые привела уже Т. В. Степугина для характеристики различных сторон жизни иньцев, поэтому мы ограничимся теми материалами, которые были ею упущены.

Городище Сяотунь на основе анализа его стратиграфии в работах китайских археологов рисуется как связный, трехслойный памятник. Первый слой представлен культурой Яншао, второй — культурой Луншаня и третий — культурой периода Инь. При этом в расположении слоев и в находимых в них предметах наблюдается бесспорная преемственность¹. Бронзовые сосуды и бронзовые орудия периода Инь в ряде случаев повторяют формы предшествующих им периодов. Бронза в Китае появляется в период позднего Луншаня. Сосуды из бронзы, найденные в погребениях периода Инь, отнюдь не были изготовлены только для погребений. Многие из них имеют следы починки и огня². В иньском обществе, наряду с широким распространением керамики, в том числе в значительном количестве белой керамики с отделкой (как говорится в китайской литературе, «под фарфор»), в быту применялись и бронзовые изделия. «Иньский период уже был бронзовым веком, а отнюдь не веком энеолита» (Го Можо, ук. соч., стр. 5).

Столица иньского общества, как показывают раскопки, представляла собой городское поселение, занимавшее более 10 кв. китайских *ли* (более 6 кв. км), и являлась не только политическим центром, но и центром ремесленного производства и торговли³. Тип постройки жилищ правильно показан Т. В. Степугиной, отметим только, что во время 8-го сезона раскопок (1932 г.) были обнаружены остатки обгоревших столбов и бронзовые тумбы. Последние служили основанием для деревянных столбов, поддерживающих крышу строения⁴. Большие площади утрамбованной земли и остатки фундамента рядом с маленькими участками и использованием под жилье неолитических ям позволили китайским археологам указать на имущественные различия, отразившиеся в постройках жилищ.

В строго определенных участках иньской столицы встречаются остатки литейных мастерских (есть и захоронения с разбитыми литейными формами), следы костяного, камнедробильного и нефритового производства. Сосредоточение подобных находок дает право говорить о наличии в иньской столице обособленных ремесленных «кварталов» (Люй Чжэнь-юй, ук. соч., стр. 73). Среди ремесел своим совершенством выделяется литейное производство⁵.

Археологические и эпиграфические материалы дают ясные указания на сосредоточение богатства в руках отдельных лиц (что отмечает и Т. В. Степугина). Так, ряд захоронений содержит в одних случаях обильный бронзовый, а в других керамический и каменный инвентарь.

Новые подтверждения факту наличия классового расслоения в иньском обществе дает материал раскопок 1950 г. (см. Го Бао-цзюнь, ук. соч., стр. 59—60). Погребения, обнаруженные этими раскопками, делятся на

¹ Ли Цзэнь, Исследование о бронзе Сяотуня, «Чжунго каогу сюэбао», 3 (1948), стр. 1—99.

² Это подтверждается и материалами раскопок 1950 г.: см. Го Бао-цзюнь, 1950 нянь чунь Иньской фацзюэ баогао (Доклад о результатах раскопок Иньского городища весной 1950 г.). «Чжунго каогу сюэбао», 5 (1951), стр. 29 и 33—41; ср. В.Ци, 1954, № 1.

³ Люй Чжэнь-юй, ук. соч., стр. 73; У Цзэнь, ук. соч., стр. 62.

⁴ «Чжунго каогу сюэбао», 2, стр. 14—15.

⁵ «Чжунго тунши цзянь бянь» («Очерки всеобщей истории Китая»), под ред. Фань Вэнь-лая, Шанхай, 1952, т. I, стр. 31.

четыре типа. Для первого типа характерна большая могила около Угуань-цуня площадью 340 кв. м и общим объемом в 1615 куб. м. Сооружение такой могилы, отделанной изнутри тщательно обработанным деревом, и деревянного гроба требовало не менее трех-четырёх тысяч рабочих. Для второго типа характерны могилы средней величины близ Сыпаньмо площадью 2,5 кв. м и общим объемом в 12,5 куб. м. В отличие от первого типа эти могилы не имеют специального ящика для гроба (*го*); постройка могил этого типа требовала только нескольких десятков рабочих. Для третьего типа характерны неглубокие погребения с положением костяка лицом вниз, площадью в 1 кв. м, объемом 3,06 куб. м. В таком погребении гроб отсутствует; для сооружения такой могилы было достаточно усилий лишь нескольких рабочих. Наконец, могилы четвертого типа представляют собой массовые ямочные погребения с отрубленными головами. Одно из таких погребений, с 10 костяками, имело площадь 2,2 кв. м и объем — 4,84 куб. м. Такую яму мог вырыть один рабочий. В погребениях этих четырех типов погребальный инвентарь различный. В погребениях первого типа имеются золотые, каменные, бронзовые, костяные, резные деревянные и другие изделия общей численностью в несколько сот штук. В погребениях второго типа такие же изделия насчитываются единицами (до десяти штук). В погребениях третьего типа погребальный инвентарь представлен одной глиняной чашей с куском жертвенного мяса. В погребениях четвертого типа погребального инвентаря вообще нет. В упомянутой гробнице первого типа имеется 131 костяк принесенных в жертву людей. В могилах второго типа иногда встречается только один костяк принесенного в жертву человека. Для погребений первого и второго типа характерно положение костяка покойника свободно на спине. В погребениях третьего типа костяков принесенных в жертву людей нет, а костяки покойников лежат лицом вниз — на животе. В таком же положении захоронены и костяки казненных людей в погребениях четвертого типа. На основании этих данных проф. Го Бао-цзюнь справедливо заключает, что в иньском обществе имело место далеко зашедшее классовое расслоение. Описанные погребения являются погребениями вана, аристократов, рядовых свободных и рабов.

Таким образом, археологический материал последних раскопок, известный пока еще только по кратким сообщениям, полностью подтверждает положение о классовом характере иньского общества. Оно находит подтверждение и в указаниях хроник. В древнейшем памятнике китайской историографии, «Ши Цзи» Сыма Цяня, так же как и в летописях «Диван шицзи», «Луньхэн», «Хань Фэй-Цзы», есть записи, говорящие о развлечениях приближенных иньского вана, которым доставляли диких зверей и птиц, привозили «заморских» животных (кита, слона, носорога¹), невольниц и бочки вина.

Во время 13-го сезона (1936 г.) раскопок городища Сяотунь было обнаружено захоронение колесничего в окружении его слуг². Оно содержало три человеческих скелета (один лежал отдельно), четыре костяка лошадей и большое количество всевозможного инвентаря военного характера: мечи, кинжалы, стрелы, копыя, причем в трех комплектах (три меча, три кинжала и т. д.). Один комплект инвентаря отличался богатой отделкой и материалом (нефрит, золото), а два других были совершенно одинаковы и гораздо проще. В данном захоронении, как и в целом ряде других, найдена колесница, запряженная четверкой. Повидимому, бое-

¹ Это подтверждается и упомянутыми выше археологическими находками.

² «Чжунго каогу сюэбао», 2, стр. 17—20.

вой колесницей иньцев правил воин, имевший двух оруженосцев. Погребения колесничих также подтверждают, таким образом, данные об имущественном расслоении.

В могиле № 164 были обнаружены костяки человека, лошади и собаки, военный (копье, стрела, кинжал и др.) и бытовой инвентарь (горшки, сосуды и плошки). Это, повидимому, погребение «воина с боевым конем и служебным псом»¹. Упоминания о вооруженных всадниках встречаются и в иньских надписях. Таким образом, можно говорить о том, что иньцы в войне использовали как боевые колесницы, запряженные четверкой лошадей, так и всадников.

Обилие вооружения в погребениях, а также упоминания в иньских надписях о военных экспедициях, в которых принимали участие три, пять и даже десять тысяч человек (Люй Чжэнь-юй, ук. соч., стр. 79), характеризуют большое значение войны в жизни иньцев. Войны велись против соседей Инь. Они имели целью, как правильно показывает Т. В. Степугина, не только расширение территории и защиту от набегов кочевников, но и захват пленных для превращения их в рабов. Т. В. Степугина правильно показала значение ряда иероглифов на костях животных и панцирях черепах, определив их как соответствующие термину «раб» или терминам, связанным с рабством. Ею правильно определены и массовые захоронения людей с отрубленными головами или живых, как захоронения рабов, принесенных в жертву. Но Т. В. Степугина упустила ряд важных моментов, характеризующих использование рабского труда.

Во-первых, в иньских надписях содержатся не только термины «сжигаемый раб» или «раб, закапываемый живым», но и весьма часто термин

耖臣, обозначающий раба, занятого в земледелии, и термин 牧, который по Го Мо-жо указывает на раба (奴), занятого в скотоводстве².

Во-вторых, рабы использовались не только на полях, в скотоводстве и при строительстве больших сооружений, но также и на войне. На войну свободный воин — начальник колесницы шел со своими рабами и в случае гибели его хоронили вместе со всеми доспехами и рабами (см. выше). Погребения М 088, М 222, М 333, М 388, М 238 и М 331 из раскопок в Сяотуне дают примеры захоронения хозяина с рабами или отдельно рабов (от трех до восьми костяков). Проф. Го Мо-жо указывает на погребение, в котором убитые рабы окружали детский костяк с богатым инвентарем (Го Мо-жо, ук. соч., стр. 10). Эти факты говорят о том, что рабы были в частной собственности, а не в собственности всего общества. Таким образом, утверждение Т. В. Степугиной о том, что захоронение рабов встречается только в одном случае, неверно.

В-третьих, в текстах иньских надписей, вопреки утверждениям Т. В. Степугиной (стр. 72), содержатся указания на заключение рабов в тюрьму в ручных колодках, о вздымании их на дыбы, о казнях рабов путем четвертования, а также о клеймении рабов путем выпиливания знаков на лбу и щеках или отрезания части ушей³.

В-четвертых, Т. В. Степугина на факте массового убийства пленных строит свою концепцию о том, что рабство в тот период еще не имело хозяйственного значения. Но человеческие жертвоприношения в значительных размерах встречаются и при Чжаньго (V—IV вв. до н. э.) и лишь в по-

¹ Там же, стр. 23.

² Цит. по У Цзе, ук. соч., стр. 58—59.

³ Там же, стр. 70 и 60.

следующие периоды подобные жертвоприношения приняли символический характер — в гробницы и могилы представителей господствующего класса вместо живых людей закапывали терракотовые статуэтки. Раскопки иньских погребений показывают, что иньцы приносили в жертву не только рабов, но и животных. При раскопках (до 1945 г.) было найдено 195 скелетов собак, 184—баранов, 40 — быков¹; в 1950 г. были найдены большие захоронения лошадей. Как показано выше и в работе Т. В. Степугиной, эти животные уже имели большое хозяйственное значение, и, тем не менее, это не останавливало иньцев от принесения их в жертву.

Иероглифы **京, 都, 城, 邑**, встречающиеся в иньских

надписях, обозначают различные поселения городского типа, что указывает на отделение горсда от деревни.

О широте торговых связей иньцев можно судить по наличию в погребениях костей животных, обитавших за сотни километров от Инь. В иньских погребениях встречаются такие предметы, как жемчуг, изумруд, янтарь, которые отсутствуют в бассейне Хуанхэ. Найдены в огромных количествах, связками и отдельно, раковины, которые встречаются и в слоях более ранних периодов. Надписи указывают, что раковины у иньцев, также как иногда и в последующие периоды, были денежной единицей. Раскопки могил Чжаньго обнаруживают связки раковин — *пэн*. В 62 главе «*Ицзин и*» говорится, что черепаха стоила 10 *пэн*. В главе 63 «*Ицзин Люйгуа*» говорится: «копил деньги, чтобы купить молодых рабов»; это свидетельствует о торговле рабами и развитии товарно-денежных отношений вообще.

Разобранный выше материал дает нам право заключить, что иньское общество было обществом классовым, в котором основную роль играли два антагонистических класса: рабы и рабовладельцы. Потребности общественного развития вызвали необходимость создания письменности. Иньцы употребляли от тысячи до полутора тысяч иероглифов. Классовое общество не могло существовать, опираясь на общественные институты, созданные первобытно-общинным строем. Для подавления большинства в интересах меньшинства общества, как орган принуждения, возникло государство.

Как показывают исследования Го Мо-жо, Фань Вэнь-ляня, У Цзе, Люй Чжэнь-юя и других китайских ученых, государственный аппарат Инь опирался на аристократию, вышедшую из верхушки первобытной общины, — старейшин родов и племен. Должность главы государства — вана была наследственной. Сохранившийся первое время при ванах совет являлся пережиточной формой первобытного совета старейшин и охранял не интересы всего народа, а только знати. Ван пользовался большими правами, и ему отдавались почести, как «сыну неба». Ван распоряжался землей, ведал всей политической и экономической жизнью страны, совершал жертвоприношения «небу». Он выступал как военачальник иньской армии.

В иньском обществе были еще сильны пережитки первобытно-общинных отношений, которые в разной степени сохраняются тысячелетиями и впоследствии. Так, все государство Инь, по «*Цзочэжуаню*», делилось на 13 родов, по «*Шицзи*» — на 21 род, но в какой степени эти известия точны и какова была роль в это время тех организаций, которые продолжали называться родами, можно будет выяснить только путем специального исследования.

¹ Ш и Ч ж а п-ж у, *Иньской цзуйцзиньчжи чэсуняофань* (Важнейшие находки на Иньском городище), «*Чжунго каогу сюэбао*», 4, стр. 301.

Изменения в социально-экономических отношениях повлекли за собой изменения в семейно-брачных отношениях, что отразилось даже и в отстающей от фактического развития семьи системе родства. Т. В. Степугина приводит большой материал, который свидетельствует о сильных пережитках матриархата в брачных отношениях иньцев, что, по ее мнению, должно свидетельствовать о примитивности общества Инь. Но известно, что пережитки матриархата существуют и в классовом обществе. Материалы таких древнейших литературных памятников, как «Шицзин», «Ицзин», «Цзюсань», подчеркивают моногамный характер семьи иньцев, с особенно строгой моногамией для женщины: мужчине, особенно вану или аристократу, разрешалось иметь наложниц¹. Термины родства, встречающиеся в иньских надписях, различают сына и племянника, а также отца, дядю по отцу, деда, прадеда, прапрадеда², что отражает уже сравнительно высокий этап развития семьи. Терминология системы родства у иньцев еще недостаточно изучена, но во всяком случае она чрезвычайно близка терминологии чжоуского периода, зафиксированной словарем Эр-я. «Терминология родства Эр-я, как пишет Д. А. Ольдерогге, имеет ясно выраженный описательный характер и носит, как нам кажется, совершенно ясные отпечатки попытки юристов, законоведов или чиновников чжоуского периода упорядочить систему родства»³. Д. А. Ольдерогге убедительно показал, что терминология родства в Эр-я соответствует классовому обществу, сохраняющему пережитки первобытно-общинных отношений.

Вопрос о характере социально-экономических отношений у иньцев в период XIV—XII вв. до н. э. еще не раз будет привлекать внимание исследователей. Археологические раскопки в Аньяне и Хойсяне дают все новые материалы. Не беря на себя смелость решить этот вопрос окончательно, автор счел возможным высказаться по этому поводу, опираясь на марксистско-ленинское учение, на материал, добытый китайскими археологами, исследования крупнейших специалистов по иньскому периоду, некоторые свидетельства древних хроник. Анализ фактического материала убеждает нас в том, что иньское общество было классовым, что в истории Китая было рабовладельческое государство Инь. В этом состоит расхождение автора с Т. В. Степугиной. Ее богатая фактическим материалом и интересная статья страдает односторонностью в подборе фактов или их истолкования. Те факты, которые не укладываются в положение «примитивности общества Инь», Т. В. Степугина отбрасывает. Так, она утверждает, что бронза использовалась в Инь незначительно, хотя Инь — это кульминационный пункт развития бронзового века Китая⁴, а Чжаньго дает железные орудия труда; утверждает, что иньцы не знали боевых колесниц; утверждает, что у них был парный брак; говорит об исключительно гадательном смысле иньских надписей и т. д. Т. В. Степугина старается заострить внимание на таких моментах, которые могут характеризовать «примитивность»; так, например, говоря, что иньцы в надписях не употребляют настоящих имен своих предков — ванов, Т. В. Степугина на стр. 75 пишет: «...повидимому, продолжало существовать табу на имя предка». Табу на имя императора (или раньше—вана) вообще существовало в Китае и составляло одну из характернейших черт культа китайцев, но говорит ли это в пользу «примитивности Инь»? Конечно, нет, — табу надолго сохраняется как пережиток породившего его строя.

¹ Л ю й Ч ж э н ь ю й, ук. соч., стр. 80.

² Там же.

³ Д. А. Ольдерогге, Малайская система родства, Сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1951, стр. 57—58.

⁴ Г о М о ж о, Шипинаньшу (Десять критических статей), Шанхай, 1951, стр. 8.

Ни старые классы, ни отжившие общественно-исторические формации со своим базисом и надстройкой не погибают полностью с утверждением нового общественного строя, они оставляют свои родимые пятна; пережитки старых общественных отношений тормозят исторический процесс развития человеческого общества. Рабство в Китае, как уклад, со своими уродливыми формами на целые тысячелетия пережило рабовладельческий строй, породивший его. Так же и пережитки первобытно-общинных отношений в различной степени сохранились в последующих общественно-исторических формациях китайского общества. Причины подобной консервации лежат в тех социально-экономических условиях, которые были характерны для старого Китая.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ